

С. Т. Еремян

Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов

В политической жизни стран Закавказья сасанидского периода немалую роль играло гнездившееся в горах нынешнего Зангезура и Карабаха Сюнийское нахарарство. Сюния (Сюник)¹, или как иначе называли ее соседи—персы, арабы и сирийцы,—Сисакан, находясь между внутренней Арменией и Албанией, была тем передаточным звеном и дорогой, через которую Албания приобщалась к культурному миру древности.

Будучи замкнутым экономическим и социальным миром, Сюния в системе нахарарской Армении представляла особую самодовлеющую единицу.

Сирийский источник середины VI в. „Хроника Захарии Ритора“² при описании стран Закавказья Сюнию отмечает, как особую область, входившую в состав Армении. Автор „Хроники“ пишет: „Сисган также земля со (своим) языком и верующим народом, но живут в ней и язычники“³.

Местные правящие династы, ишханы Сюнии, жили больше своими внутренними интересами, чем интересами общегосударственными и общенародными. Разумеется, Сасаниды этот момент учитывали и не замедлили воспользоваться этим.

Грандиозные мероприятия Сасанидов в странах Закавказья, имеющих оборонный характер, требовали мобилизации всех возможных резервов и ресурсов, и в этой цепи далеко не последнее место занимало сюнийское нахарарство.

Население Сюнии издревле славилось как воинственное и свободолюбивое племя, которое армянским Аршакидам выставляло больше всего конницы. Если верить дошедшей до нас воинской грамоте („Зоранамак“), ишхан Сюнии выставял армянскому царю 19.400 всадни-

¹ Սյւնիք, или Սիսական, груз. სიგნო, სიგნოთი, др. перс. *Sisagan, пехл. *Sisakan, араб. Sisadan, сир. Sisgan. Армяне под „Сисакан“-ом подразумевали правящий страной нахарарский дом, но впоследствии употребляли и в смысле названия страны. См. Н. Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen (Indogermanischen Forschungen von K. Brugmann und W. Streitberg, VIII. Strassburg, 1904) и арм. перевод: Հ. Հրէքման. Հին Հայոց տեղւոյ անունները, Բարսե. Բ. Պրիդիկանյան, Վրէննա, 1907, էջ 95—100.

² Н. Пигулевская—Сирийские источники по истории народов СССР. М. Л. 1941, стр. 165.

ков¹. В эпоху Сасанидов сюнийские всадники пользовались особой славой и участвовали во всех их походах. О сюнийских всадниках говорит также Прокопий Кесарийский. По его словам, в 531 г. царь царей Кавад послал против Юстиниана одно войско, которое „состояло из персарменов и соседних с ал(в)анами сунитов“ (Σουίται)².

Сасаниды уже в начале своей активной наступательной политики в Закавказье обратили серьезное внимание на владетелей Сюнии, от ориентации которых многое зависело. Это хорошо сознавали сами сюнийские ишханы и на этом делали себе большую политическую карьеру.

Возвышение роли сюнийских владетелей в политических мероприятиях Сасанидов в странах Закавказья тесно связано с вопросом охраны кавказских проходов от нашествий кочевников севера.

Борьба Сасанидов с кочевыми гуннскими племенами велась на всем протяжении северных границ Сасанидского государства, от Средней Азии до Кавказа. Вопрос обеспечения тыла от нашествий кочевников вынуждал Сасанидов тратить огромные средства и материальные ресурсы на содержание вооруженных сил и пограничных укрепленных мест в наиболее уязвимых местах своих рубежей. В этом отношении Албания приобретала исключительное значение и она становится одним из центров сасанидских вооруженных сил.

Многочисленные племена, живущие в кавказских горах и на прикаспийском побережье, были привлечены Сасанидами в качестве военного резерва для борьбы с кочевниками Северного Кавказа.

Окончательно утвердившись на территории Албании, Сасаниды начали свои широкие и грандиозные по размаху мероприятия по обороне наиболее уязвимых мест со стороны Главного Кавказского хребта. Этим важным стратегическим значением Албании и было продиктовано обоснование вооруженных сил Сасанидов в городе Пайтакаране (Байлакан) в Мильской степи. Здесь находилась военная ставка спахпата Северного края („Апахтар“), которому подчинялась вооруженная охрана кавказских проходов.

По мере продвижения Сасанидов на север отодвигался и пограничный вал: Сохранившиеся до нашего времени остатки этих сооружений показывают, что их было по крайней мере три и названия их сохранила нам армянская „География“, приписываемая Моисею Хоренскому.

Первый и древнейший пограничный вал находился там, где с юга Главного Кавказского хребта ближе всего подходят к морю. Над берегом моря и теперь можно видеть огромную голую вершину круто спускающуюся к морю и называемую у азербайджанцев Барма. Начиная от этой вершины прослеживаются укрепления и валы, которые продолжают дальше вдоль реки Гильгин-чай, вплоть до Главного

¹ Н. Адонц—Армения в эпоху Юстиниана, СПб, 1908, стр. 263.

² Ibid., стр. 287.

ного хребта¹. Эта стена являлась пограничной линией Сасанидского государства до второй половины V столетия и отделяла страну Хурсан от Шарвана. Страна Хурсан (*Хуршан* в арм. „Географии“, должно быть: **Хуршан*)² занимала территорию нынешн. Хизинского района Азербайджанской ССР. Арабы называли ее также „Хайзан“, или „Хизан“³, откуда и нынешнее название пункта „Хизы“. Владелец этой страны в персидской рукописи Туманского называется „Хурсан-шах“⁴.

В армянской „Географии“ этот вал называется *Хуршан-дз*, что буквально означает „Хурсанская скала“ (Хорс+взм). Позже, арабский автор Масуди (X в.) упоминает „Сур-ат-Тин“ каменной стены, называемой „Бармаки...“, постройку которой автор приписывает отцу Хосрова I Ануширвана, т. е. Каваду I (488—531 г.г.)⁵.

Название это сохранилось поныне за вершиной Бармак. Многие арабские авторы эту вершину отождествляли с библейской „скалой Моисея“. Укрепленное место на этой вершине, круто спускавшейся к морю, повидимому называлось „Хирс“. О крепости под таким названием упоминают Белазури⁶ („Хирш“) и Я'Куби („Хирс“)⁷.

К северу от этого вала, вдоль р. Бильбия-чай встречается второй вал, так называемая „Шабранская стена“, которая в армянской „Географии“ называется „Апзут-Кават“ (*Ապզուտ-Կատ*). Название это связывается также с именем сасанида Кавада I (488—531 г. г.); тогда же должен был быть основан город Шапоран, или, как позже называли, Шабран.

Между этими двумя пограничными валами находилась страна Шарван, или Ширван в первоначальном понимании этого названия. В той же анонимной персидской рукописи Хв. Туманского владелец этой области носит титул „Шарван-шах“.

К северу за Шабранской стеной, в нынешнем Хачмазском районе, морское побережье занимало племя маскутов, по имени которых арабы этот район называли „Маскат“, а среди местного населения до последнего времени район этот был известен под названием Мушкур, или Мускур. Выше в горах, в нынешнем Кубинском районе, жили лекзы, лезгины. По их имени арабы этот район называли „ал-Лакз“.

Завоевание этих районов и племен южного Дагестана выпало на долю Хосрова I Ануширвана (531—578), которому и приписывают по-

¹ См. Е. А. Пахомов—Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы истории материальной культуры, 1933 г., № 9—10, стр. 37—47.

² *Արշակունի Մարտիրոսի խոսքով իր ժամանակի Հայաստանը*, 1881, էջ 27.

³ Баладзори—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 17.

⁴ Худуд-ал-‘алем. Рукопись Туманского, с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930, стр. 30, 31.

⁵ Н. А. Караулов—Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 59.

⁶ Баладзори, указ. соч. стр. 19.

⁷ Я'Куби—„История“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 9.

стройку Дербентских стен. Границы Сасанидского государства были продвинуты до естественных пределов, которые образуют Табасаранские горы, тянущиеся вплоть до Каспийского моря. К северу от них тянется степное побережье Дагестана. Между указанными горами и морем оставалась незащищенной естественной преградой узкая полоса, где вырос нынешний город Дербент.

В VI столетии на территории низменной части Дагестана образовалось варварское государство хазар, которые своими набегами разоряли цветущие области Албании и Ирана. В союзе с хазарами находились многочисленные горские племена нынешн. Дагестана, находившиеся на разных ступенях классового образования. Хосров I Ануширван им противопоставил племена южного Дагестана и племенную знать, „царей гор“, сделал своими союзниками путем раздачи им громких титулов царей („шах“). По словам арабского автора Белазури, таковыми явились владельцы Табасарана (арм. Таваспаран), страны лакзов (т. е. лезгин, или кюринцев), Маската, Ширвана и других.

Упомянутый Белазури прямо говорит о том, что побудило Сасанидов к этим оборонительным мероприятиям в Восточном Закавказье. Он пишет: „Хазары (часто) выступали (из своей страны) и нападали (на соседние области), доходя иной раз до Дайнавера. (Это побудило) Кобада, сына царя Фируза, отправить (против них) одного из своих великих полководцев с двенадцатью тысячами (воинов); он вступил в область Арран и занял область между ар-Рассом (Араксом) и Ширваном. Вслед за ним (полководцем) выступил (царь) Кобад, который построил в Арране город Байлакан и город Берда, (главный) город всей страны, и город Кабалу, что есть Хазар“¹. Нет сомнения, что Байлакан и Кабала существовали издавна, Перозу и Каваду следует приписать лишь их укрепление; что касается Берда, арабского названия столицы Албании—Партава, то он был расширен Кавадом, поэтому и назывался также Пероз-Кават, или, как в новоперсидском, Фируз-Кобад.

Дальше Белазури сообщает, что тот же Кавад I построил преграду из необожженной глины, и относит ее к Дербенту; на самом же деле это известие из его первоисточника должно относиться к основанию им вышеупомянутой Шабранской стены, называемой „Анзут-Кават“. Постройка Дербентских стен по справедливости приписывается Хосрову I Ануширвану, о чем свидетельствует почти его современник—армянский историк Себеос. Он сообщает, что „Хосров во время своего царствования укрепил проходы Чора (Дербент) и Алан (Дарнадан)“. (*Այս թուրով է ժամանակի իբրև խաչաքարով ինչն Կապանի ճորայ և Արևանի*)²:

В период византийско-сасанидских войн эти два прохода были предметом особого внимания и споров между двумя державами—Ви-

¹ Баладзори—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927 г., стр. 5.

² Մեղակի Կապանոսի Պատմություն, Երևան, 1939, էջ 29.

зантийской империей и Сасанидским государством. Для безопасности сасанидского тыла укрепление прикаспийского побережья было важнее, потому что Дарьяльский проход был укреплен и закрыт самой природой, а со стороны Дербента этой естественной преграды не было.

С заграждением этого узкого прохода искусственными сооружениями Сасаниды запирали главный и наиболее доступный путь из степей Восточного Предкавказья в Закавказье.

Дербентские стены в древности оставляли на людей очень большое впечатление, как одно из чудес в мире; вокруг возведения этих стен сложилось много легенд и преданий, многие из которых воспроизводят арабские писатели¹.

Наиболее ценным, конечно, является вышеприведенное известие Себеоса (VII в.).

Сведения, приводимые другим армянским историком Гевондом (VIII в.) о постройке укреплений в Дербенте, связывается с сасанидом Иездегердом II (438—457 гг.). Гевонд утверждает, что это укрепление было построено римскими мастерами и на нем была даже сделана надпись с именем императора Маркиана (450—457 гг.)².

Как видели выше, первые укрепления в Дербенте возведены лишь Хосровом I Ануширваном, т. е. после того, когда Сасаниды прочно завладели районом Дербента. Что же касается приведенных выше сведений об укреплениях Иездегерда II, если только они достоверны, то они могут относиться не к Дербенту, а к неизвестной нам стене, расположенной, вероятно, южнее вышеупомянутой стены Бармак, называемой „Хорс-Вэм“.

Дербентские стены прекрасно сохранились до наших дней. Археологи продолжение этих стен прослеживают дальше за город, в Табасаранских горах. У прохода вырос укрепленный город Дербент, в районе, называемом армянскими авторами Чор, или Чога (*Չոր, Չոգա*). По имени области Дербент в армянских источниках называется также „Чора пахак“ (*Չորալի քահակ*), или „Чора дурн“ (*Չորալի դուրն*) и т. д.

Для наблюдения над этими пограничными укреплениями в Дербенте, и дальше вдоль стены, были основаны военные поселения. Белазури, касаясь этого, сообщает, что Хосров I Ануширван в построенных им местах поселил народ, прозванный им сиясиджини³. Арабские авторы под этим названием „сиясиджиты“ имели в виду жителей Сисаджана (арм.-перс. Сисакан), или Сюнии, и поэтому многие предполагали, что их в Сюнии поселил Хосров I Ануширван. Ибн-ал-Факих, напр., рассказывает, что тот же Ануширван построил крепости и замки... в земле Сисаджан (Сисакан)... и населил их сиясиджинцами,

¹ См. Баладзори—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузс, Баку, 1927 г., стр. 6—7.

² *Չեփանդեալ իւծի փորձաքաղաքի Հայոց Պատմութիւն, դր. ժ. Բ. Ս. Պերերյան, 1887, էջ 40—41.* См. русск. пер. К. Патканьяна—„История халифов“ вардапета Гевонда, СПб, 1862, стр. 28.

³ Баладзори, указ. соч., стр. 5.

племенем воинственным и отважным¹. В другом месте тот же автор сообщает очень ценные сведения из недошедших до нас источников. Он ссылается на Ахмеда ибн-Вадыха Испагани, который „долго жил в стране Армении“. „Он же сообщил,—пишет ибн-ал-Факих,—что Бабул-Аббаб стена, которую построил Ануширван, и что один конец ее вдается в море, а противоположный морю конец стены выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на 7 фарсахов до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня; один из этих камней не поднимут 50 человек: эти камни поставлены (один на другой) и пришиты друг к другу железными болтами. На протяжении этих 7 фарсахов,—продолжает он,—устроено семь проходов, у каждого из этих проходов город, и живут в них (городах) персидские воины, называемые *сиясикинами*.

Говорят, что мужчины из жителей Армении обязаны охранять эту стену и ворота; над каждым проходом привешаны ворота, и ширина стены на вершине ее такова, что по ней проедет 20 всадников (в ряд) не теснясь².

Из этих сообщений арабских источников видно, что Сасаниды для охраны этих пограничных укреплений образовали военные поселения из жителей Сюнии, или Сисакана, сисаканцев, или „сиясиджитов“. В этой связи становятся понятными факты, приводимые армянскими источниками. Как видно, эту службу охраны пограничных укреплений в Кавказских горах Сасаниды возлагали на сюнийцев еще в V столетии. По сообщению историка Лазаря Парпского, ишхан Сюнии, известный Васак, Иездегердом II был назначен марзпаном Иберии герср. Картли, (439—443 г. г.). На него была возложена охрана Дарьяльского прохода (Дариалан). Отсюда он тесно соприкасается с гуннскими племенами, с вождями которых поддерживал дружественные отношения³. Это установление добрососедских отношений с кочевниками Северного Кавказа имело для Сасанидов величайшее значение. Помимо того, что этим предотвращались набеги варваров, в случае необходимости они могли предоставить Сасанидам неисчерпаемые военные кон-

¹ Н. А. Караулов, указ. соч., Сб. материалов для опис. местн. и племен Кавказа, вып. XXXI, Тифлис, 1902, стр. 15—17.

² Ibid., стр. 23—25.

³ Факт этот выявляется в словах, которые вложил в уста марзпана Васака Сюнии историк Лазарь Парпский. «...Ապա թէ կայր ալադգագոյն ինչ խորի և չճանաչէ զիւր օգուսան՝ և ես մինչ վրաց մարդպանն էի և դուռն նորուանից յիմում ձեռնէր՝ բազում զօրագլուխք Հոնաց ընդ իս բարեկամացան ուխտիւ և երգմամբ, և այսօր օղորտ երգմամբ երթեկեին առ իս. և հարկիս ամենայն աշխարհիս Հայոց առ իս են, և զործակալ ամենայն-յիմում ձեռին են, այլ ես բազում կարասի, զոր ի պարսիկ զործակալացն հանրոր առա ի Հայս էին. և յիմում գանձի կայ. յորմէ թէ զմէ մասն Հոնաց տամ առնել՝ անտայնչափ սաստիկ հանեմ Հոնս. որչափ զի հոյն Պարսից չբաւիցէ նոցա յաւարիս Ղազարա Փարպեցւոյ Պատմութիւն Հայոց և Թուրք, առ Վահան Մամիկոնեան: Տիֆլիս, 1904, стр. 25. См. иг. ჯავახიშვილი. ქართველი ერის ისტორია, წიგნი პირველი, ტფილისი, 1928, стр. 25.

тингенты и это в тот период, когда гунны вторгались в пределы Восточно-Римской и Западно-Римской империи, с которыми вели безуспешную борьбу ромейские императоры.

Тот же Васак Сюни вскоре был назначен марзпаном Армении (447—451 г.г.), а на его место в Иберию был послан знатный перс Себухт Нихоракан. Позже, насколько можно судить по фрагментарным данным „Мокцевай Картлисай“, надзор за Дарьяльским проходом марзпаны Картлии возложили на племенного вождя цанар—корикози.

Перспективы широкой политической деятельности в масштабе всего Сасанидского государства притупляли в правящей династии Сюнии чувство солидарности с остальной знатью нахарарской Армении. Этим следует объяснить, почему Васак Сюни, в конечном счете, очутился в лагере предателей народного антисасанидского движения 450—451 г.г. Этим же объясняется, что ишхан Сюнии не пожелал принимать участия в большом восстании 571—572 г.г.; согласно Себеосу, по просьбе ишхана Сюнии Вахана, Сюния была исключена из состава марзпанской Армении и подчинена непосредственно шахрмару Атрпатакана (571 г.)¹.

По словам Себеоса: „еще до восстания сюнийский князь Вахан отложился от армян и просил персидского царя Хосроя перевести диван Сисакана из столицы Армении—Двина в город Пайтакаран и занести последний в регистр Атрпатакана, дабы он не считался впредь городом армянским. Сюнийский владетель не только отказался участвовать в восстании, но старался оказать вооруженную помощь Хосрову I Ануширвану для подавления постанчского движения. Согласно Себеосу, сюнийский тэр Филипп в 574—575 г.г. совершил поход против восставшей марзпанской Армении и после семимесячной безуспешной борьбы должен был вернуться обратно². Сюнийские ишханы, как видно, непосредственно подчинялись спахпату Северного Края и были связаны с военной ставкой спахпата, находившейся в городе Пайтакаране.

Роль ишханов Сюнии в делах Закавказья значительно умалась после ослабления Сасанидов. Походы Ираклия I явились началом конца Сасанидского государства. Хазары начали устраивать набеги на цветущие долины Албании, Грузии и Армении и, как видно, еще до арабов прочно завладели Дербентским проходом.

Именно к этому периоду относится замечание Белазури: „многие сиясиджиты покинули свои замки и города, и они превратились в развалины, а хазары и византийцы захватили то, что было раньше в их руках“³.

¹ *Մեր ժամանակների Հայաստանի մասին*, Երևան, 1939, էջ 27, русск. пер. Н. Адонц—Армения в эпоху Юстиниана, стр. 220.

² Там же, стр. 30.

³ *Բալաձորի*—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927 г., стр. 7.

Население этих военных поселений, конечно, осталось на месте и в эпоху арабов и позже играло видную роль в этих районах. В наши дни они кое-где уцелели в лице армян и армяноязычных татов в районе Дербента и Кубы.

Дербентские укрепления вновь были восстановлены только в период окончательного установления в Закавказье владычества Омайядов, в 731—733 гг.